

Вот я и снова с вами, дорогие читатели! Приветствую вас в новом учебном году! Меня так долго не было с вами, простите мне это. Мое отсутствие не отменяет факта чудесного, правда же? Да и со мной произошли некоторые превращения: защищала диссертацию, выходила замуж... Все как в русской волшебной сказке: «бой и пир». Но сегодня мы поговорим о *чудесном рождении*, открывая осенний цикл статей именем Сергея Александровича Есенина.

Вот ведь каждый человек знает свою дату рождения, которая дана свыше на всю жизнь. Однако бывают и здесь чудеса. В этом месяце (21-го по старому стилю) мы вспоминаем день рождения русского поэта начала XX века Сергея Александровича Есенина. Однако стихи его говорят нам о том, что сам-то поэт мыслил свой сакральный день несколько иначе:

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

Давайте внимательно прочитаем это стихотворение. «Матушка в купальницу по лесу ходила» — значит, летом, в июньские праздничные дни. Купальница — русский праздник, совпадающий с русальной неделей, предвещающий *поворотный момент* в годовом цикле. Летнее солнце сменяет весеннее, которое люди провожают, наряжая человека русалкой или (в более архаической традиции) изготавливая куклу/чучело, при этом предмет подлежит ритуальному уничтожению. Праздник сопровождается пахотой, обработкой земли, весельем, **ритуальным хаосом**. По народным славянским представлениям, дети, ро-

дням, а по часам. Здесь это сделано тоньше, убрано в подтекст. Поэзия, да и любое художественное произведение вступает в спор с фольклором, со сложившейся традицией, ничего не калькируя просто так. Спор с фольклором заключается в третьей, может быть, самой загадочной части стихотворения, представленной последними четырьмя строчками:

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалю и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

Отчего ж герой отказывается от счастья, уготованной судьбой изначально? Вопрос остался бы в **тени метафоры**, неразрешенным, если бы мы не выстраивали *ритуального рисунка* всего произведения. Образ снежинки здесь не случаен — к тому же растаявшей. Дело в том, что каждому календарному периоду, каждому поворотному моменту в годовом цикле соответствует свой мифологический герой с амбивалентной природой. С проводами Костромы, Купальницы можно сопоставить и исчезновение Снегурочки, которую нам так всегда жаль, которая всегда — мечта. Но по законам космического года Снегурочка должна исчезнуть, растаять (кстати, вспомним, что в сказке это происходит путем прыжка через костер) и возродиться уже в новом качестве, *открыть дорогу* новому сезону. Ритуальный герой умирает и возрождается обновленным — таковы законы фольклорной логики. Так вот и есенинский герой, отвергая «счастье наготове», выбирает сам свой путь, инициацию, чтобы расти дальше как культурному герою. Таким образом мыслил своего лирического героя Сергей Есенин уже в 1912 году, а в позднем творчестве, в поэме «Анна Снегина», это зазвучит с новой силой: «...в осеннюю сырость меня родила моя мать». Пусть не смущает вас смена даты рождения — осенью также меняется годовой цикл; 25 сентября, по народным представлениям, змеи прячутся под камень. Есенин, приобщенный и биографически, и внутренним чутьем, поэтическим оком к древней культуре предков, к фольклорному знанию, конечно, не просто так играл с датами рождения своего героя, за которым в обоих случаях угадывается и личность самого поэта.

жденные или зачатые в такой момент года, являются **чудесными**.

Лирический герой мыслит себя «внуком купальской ночи», что предполагает перенимание знаний предков, приобщенность к архаическим представлениям о мире. На это указывает и архитекtonика стихотворения. Первая часть, состоящая из шести строчек, вполне реальна — «Охнула кормилица, тут и породила». И, кажется, в этом ничего такого нет, художественная действительность *адекватна* реальной. Однако вторая часть стихотворения, состоящая из четырех строчек, наводит на мысль о привнесении в жизнь героя **чудесного**. «Зори меня вешние в радугу свивали» — весеннее солнце как бы *пеленало* лирического героя. В поэтике русских заговоров есть мотив, формула «космического ограждения», которая предполагает представление тела человека в виде небесного светила (облаками и звездами опоясывается человек, как бы переодевается, облачается в космическую одежду). Исходя из этого можно уловить намек поэта на то, что его герой — чудесное дитя, человек, связанный со Вселенной.

«Вырос до зрелости» — до физической зрелости, обогнал время. Вспомним русских богатырей или мировую сказочную традицию, где герои растут **не по**